

НОЧИ БЕССОННЫЕ, ДНИ БЕСПОКОЙНЫЕ

В МИРЕ КНИГ

Заголовок этой рецензии на новую книгу Павла Гельбака составляют названия двух входящих в нее повестей, рассказывающих о жизни партийного журналиста, о его коллегах по перу, о людях, чьей судьбой стала увлекательная и ответственная работа газетчика.

К образу советского журналиста обращались и обращаются многие мастера современной художественной литературы. Это вполне закономерно: почти все они начинали творческий путь в различном роде периодических изданий и в той или иной степени в своих произведениях отдали дань уважения подвигам профессии, которая обязательно выводит тех, кто ей верно служит, на линию огня, — будь то в годы военного лихолетья или мирного строительства. К. Симонов, Б. Полевой, Ю. Бондарев, многие другие известные художники слова, воссоздавая в беллетристике образы журналистов, старались раскрыть в их моральном облике суть человеческих качеств, без гармоничного слияния которых настоящий газетчик состояться не сможет. Это — прежде всего партийная принципиальность, мужество, душевная щедрость, высокий профессионализм, отзывчивость на чужую радость, на чужое го-

ре, умение в малом увидеть большое, способность к мгновенной реакции и неспешным обобщениям. В русле таких идейно-нравственных качеств раскрываются характеры главных героев книги П. Гельбака «...И вся жизнь».

Журналист одной из молодежных центральных газет Павел Ткаченко получает назначение в Западную область, только что освобожденную от фашистских захватчиков. В Принеманске ему предстоит наладить выпуск областной партийной газеты. О том, как Ткаченко выполняет важное поручение, как на перекрестии жизненных трасс, в преодолении конфликтных ситуаций, в постоянной учебе у жизни, в осознании собственных упущений и ошибок происходит становление партийного публициста Ткаченко и всего коллектива «Зари Немана», автор рассказывает увлекательно и убедительно. Чувствуется, что в ткань повествования вошло много пережитого самим писателем, и порой ловишь себя на мысли: а не документальная ли проза перед тобой?

Нет, это, конечно, беллетристика, а не литература факта. Но художественный вымысел в книге прочно опирается на фундамент действительных событий и явлений.

Удача автора, на мой взгляд, заключается в том, что он сумел показать профессиональную деятельность

сотрудников «Зари Немана» в тесной связи с кипучей жизнью Принеманска, всей Западной области. Приметы времени, которым дышат обе повести, позволяют угадать за условными географическими названиями Вильнюс, Советскую Литву, возрождаемую к новой жизни общими усилиями братских народов страны.

Тема классовой борьбы в послевоенные годы, пожалуй, одна из наиболее разрабатываемых в литовской советской литературе. П. Гельбак сумел подойти к ее раскрытию своим путем, показав многообразие работы журналистов, редакционного аппарата в сложных условиях противоборства нового со старым. Всей системой художественных образов он утверждает, что линия огня проходила не только через леса, перелески, хутора, где в бункерах, подкармливаемые кулачем, саили свои осиные гнезда буржуазно-националистические бандиты, но и через сердца людей, которых само время неумолимо обязывало определить свое место в общей борьбе. И когда журналист Петр Рындин проявляет малодушие, отказываясь выполнить редакционное задание, связанное с известным риском, — надо поехать в пущу, чтобы написать о лесорубах, своей работой для блага народа бросивших вызов «лесным братьям», — Ткаченко подходит к его по-

ступку с принципиальных классовых позиций, увольняет за проявленную трусость, хотя такие формулировки в приказах не были приняты в газетах, не имеющих статуса военных изданий.

Образ Ткаченко дан автором в развитии, в действии. Даже его размышления, как правило, действенны, динамичны: надо принимать решения, находить оптимально правильные их варианты, а это не всегда удается молодому редактору с его зачастую к месту проявляемым комсомольским задором и нравственным максимализмом. И, возможно, наломал бы Ткаченко дров, не оказавшись рядом опытных партийных руководителей: секретаря обкома Андрея Саратовского и заведующего отделом Владаса Рудиса. На примерах их живой практики писатель показывает различные формы конкретного партийного руководства печатью.

Беседы старших товарищей с Ткаченко, с другими журналистами, круг тем, подсказанных газетчикам в обкоме, орбита дел, в которую партийные работники вовлекают журналистов, и журналистская инициатива, поддерживаемая обкомом, складываются в цельную картину естественных повседневных связей партийного и редакционного аппарата.

А он разнolik, этот аппарат «Зари Немана». П. Гельбак, за плечами которого около пяти десятилетий газет-

ной работы, сумел в галерее разноплановых образов воплотить свое понимание истинной ценности журналиста и свое отрицание некоторых, на первый взгляд не всегда различимых негативных качеств, особенно нетерпимых у людей этой профессии. В этом суть конфликта между Ткаченко и Крутковским, конъюнктурные действия которого со стороны могли восприниматься непосвященными в редакционную кухню, как проявление смелости и принципиальности. И хотя Крутковский осторожен, предусмотрителен, умело оперирует весомыми цитатами и высказываниями, его моральный крах подготовлен всей логикой развития образа, вопиющим разладом между словом и делом коммуниста.

Привлекает симпатии, особенно в первой повести, недавний фронтовик, явившийся в редакцию еще в погонах старшего лейтенанта, Олег Криницкий. Чувствуется, что автору дорог этот человек. Он любовно рисует его характер, уделяет немало места взаимоотношениям Ткаченко и Криницкого, не всегда гладким, находит яркие детали, свидетельствующие о том, как предубеждение в отношении новичка перерастает в чувство уважения к нему, а затем в искреннюю дружбу единомышленников.

Повесть «Дни беспокойные» служит продолжением «Ночей бессонных». Читатель снова встречается со многими своими знакомыми, чьи судьбы прослежены автором на протяжении десятилетий. Уходит на пенсию Павел Ткаченко, передавая журналистскую эстафету сыну Анатолию. После длительной работы за рубежом возвращается в Принеманск Олег Криницкий, назначенный редактором «Зари Немана». В проблемах, которые решает редакционный коллектив, в целеустремлен-

ности людских характеров, в их раскованности хорошо переданы черты того нового, новаторского, что вошло в жизнь партии и народа после восстановления ленинских норм и принципов во всех сферах нашей жизни.

Но, думается, что вторая повесть менее удалась автору, хотя в ней живо рассказано о многих коллизиях, в том числе и семейных, о ценных газетных инициативах. Читатель получает возможность прочувствовать, какой общественный резонанс способны вызвать та или иная публикация в прессе, увидеть, к каким последствиям могут привести ошибка, неточность, допущенные журналистом. В то же время мне кажутся совсем необязательными, не подтвержденными логикой развития характера Криницкого, всерьез не аргументированные автором отношения нового редактора «Зари Немана» с Женей Печаловой, неожиданно для читателей возникший любовный треугольник Анатолий — Криницкий — Печалова. В повести одновременно и суровой, и лиричной неуместно звучат мелодраматические ноты. Несколько схематичными и прямолинейными получились образы журналистов Задорожного, Герасима Кузьмича. Не всегда индивидуализирован язык персонажей.

Завершает книгу «...И вся жизнь» повесть «Отдых на море». Старый журналист Ткаченко с маленьким внуком приезжают в Палангу. Среди сосен и дюн они оба — и мальчик, и умудренный жизнью человек — вольно и радостно открывают для себя мир, полный прелести первозданных впечатлений. Постепенно в их неторопливых беседах, в рассказах деда о годах своей юности, в бесчисленных «почему» Германа и ответах Павла Петровича вырисовывается стерж-

невая тема повести — движение времени, озаренного пафосом героики, преемственность поколений в борьбе за главное дело жизни — торжество коммунистических идеалов. Раскрывается эта тема на примере яркой судьбы Якова Смушкевича, сына портного из Рокишкиса, легендарного воздушного аса, дважды Героя Советского Союза и тех, кто пришел вслед Герою.

Писатель проделал большую исследовательскую работу, по крупицам собирая сведения о жизни Смушкевича, что само по себе вызывает благодарность к труду автора. Но главное, безусловно, в том, что он сумел на широком историческом фоне раскрыть закономерности нашего строя, нашей действительности, где героизм одиночек порожден массовым героизмом всего народа. От первых солдат революции к советским добровольцам на фронтах гражданской войны в Испании, от бойцов Халхин-Гола к отважным воинам Великой Отечественной, от них — к славным нашим космонавтам протягиваются незримые нити в рассказах Ткаченко, обращенных к внуку. Но они в равной степени обращены и к тем молодым, кто вступает в самостоятельную жизнь, звучат отеческим напутствием старших.

В «Отдыхе на море» тесно переплетены романтика и реальность эпохи, документальные материалы естественно входят в повествование, подкупающее доверительностью интонации. Целеустремленность внутреннего действия. Его лейтмотивом стало страстное утверждение социалистического интернационализма, как первоосновы многих героических дел наших современников, пример которых был, есть и будет маяком для юных.

И. КАШИЦКИЙ.